

— Coups de tête?—задорно и почти съ негодованіемъ переспросила Сосѳ.

— Oui, ma chère, des coups de tête,—повторила Зина, какъ старшая сестра или мать.—Больше ничего!.. Тебѣ такъ нравится, ты должна быть увлечена... toujours fumante comme une locomotive! Ты желаешь опять любить, желаешь держать при себѣ un gaillard... имѣть отъ него дѣтей? Все это совсѣмъ не умно. Но я къ тебѣ не пристаю!

— Ты не любишь меня, тебѣ все равно...

— Хорошо; вотъ я и хочу тебѣ доказать, что не люблю тебя... И буду жить, какъ мнѣ надо, думать о моемъ здоровьѣ, не позволять возить себя comme une valise.

Глаза Зины раскрылись широко, она выпрямилась и протянула длинной и красивой рукой по воздуху сильнымъ, выразительнымъ жестомъ.

Сосѳ слышала что-то совершенно новое. Она впервые подумала, что вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, Зина состоитъ „при ней“, пріѣхала для нея сюда, въ Россію, гдѣ ей все противно, собиравалась переселиться съ ней въ Англію, гдѣ климатъ совсѣмъ не по ея здоровью...

А она сейчасъ бросила ей такой упрекъ!

— Quelle misérable je fais!..—выбранила она себя, и на глазахъ у нея блеснули слезы.

— Прости!

Зина жестомъ не позволила ей подняться.

— Ахъ, полно! Ты точно пятилѣтняя!.. Хочешь быть со мною въ дружбѣ, оставь мнѣ мою свободу... Я нездорова...

— Прости, прости!..

Сосѳ готова была разрыдаться.

— Сценъ не нужно, Софій! Поѣзжай въ Москву.

— Какъ же ты?

— И останусь преспокойно, мнѣ надо быть одной... Больше ничего не надо...

Но Софью Германовну—она уже перескочила къ другому ряду чувствъ—начало мучить то, какъ она оставить Зизи, съ горничной - иностранкой, Егоромъ - дворецкимъ и грумомъ. А кому же ее поручить? Ожиговой? Та все разбѣзжаетъ по островамъ, она за больными не умѣетъ ходить, любить только покойниковъ. „Elle a le mauvais oeil“,—подумала Сосѳ:—„еще накличетъ смерть“.

Какъ бы тамъ ни сердилась Зизи, а все-таки она ей вы-